

Ольга Романовская

АКАДЕМИЯ КОЛДОВСКИХ СИЛ. САЛОЧКИ С ДЕМОНОМ

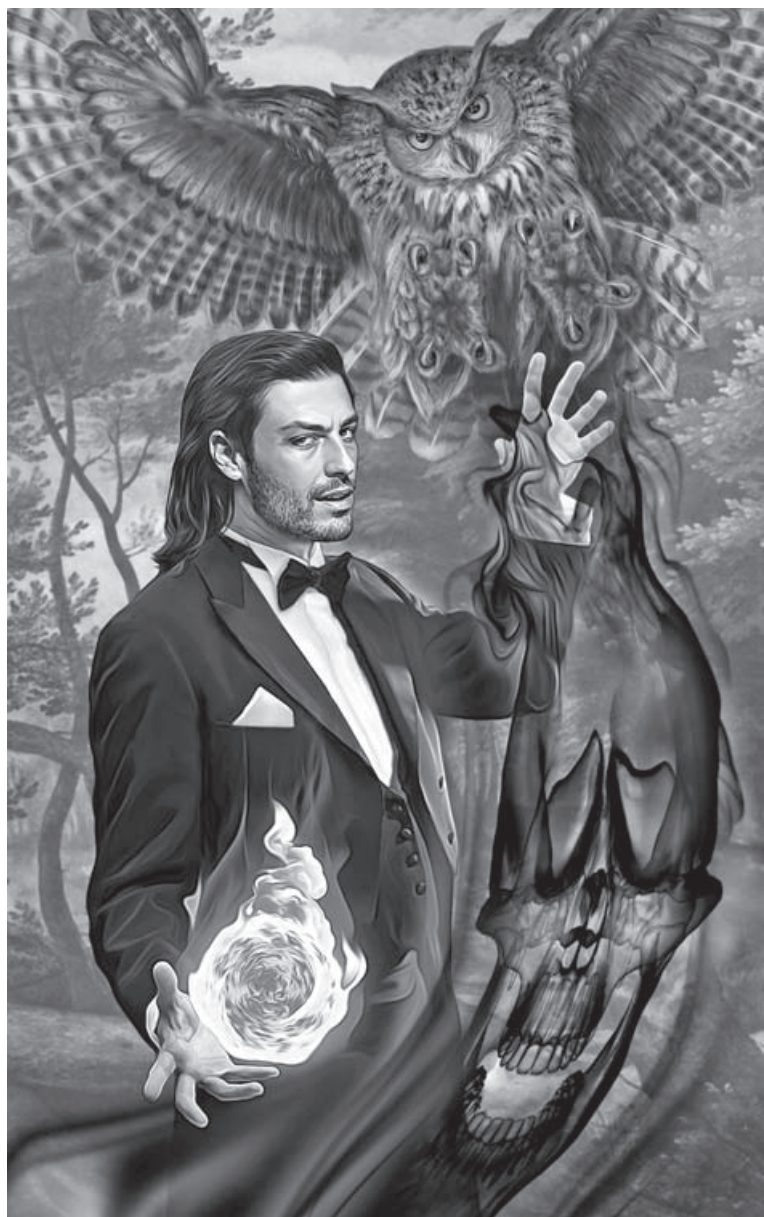
АКАДЕМИЯ КОЛДОВСКИХ СИЛ. ПРЯТКИ С ДЕМОНОМ

ОДИН ШАГ

ТАНЕЦ ДЛЯ ДВОИХ

НЕВЕСТА ПО ПРОКЛЯТИЮ

КУПЛЮ ЖЕНУ. ДОРОГО

ГЛАВА 1

Наверное, не существовало другого человека в Должере, которому было столь тяжело сочетаться браком. Ивар сир Лир, граф Монтезе пробовал целых пять раз и всякий раз безрезультатно. В итоге он отчаялся, хотя еще молодой голубоглазый брюнет, наследник древнейшего магического рода пользовался успехом у женщин.

Погода выдалась на редкость подходящей: с утра лил дождь, перемежавшийся со снегом. Могильщики, проклиная переменчивость весенней погоды, с вечера трудились над тем, чтобы обеспечить Эжени сир Ниер достойное последнее пристанище. Она была несказанно хороша в гробу: белоснежная кожа, длинные темные ресницы, волнистые волосы. Куколка, а не человек. Однако Ивару лучше, нежели кому-либо еще, было известно: она мертва. Его стараниями, несмотря на то что, свидетели Темные боги, он не желал зла юной дочери барона Планка. Несчастливая всего лишь стала его невестой.

Траурная процессия медленно приближалась к конечной точке — фамильной усыпальнице Планков. Замершему наверху холма всаднику не требовалось видеть лиц, чтобы разобрать, кто есть кто. Впереди, конечно, раздавленные горем родители, следом брат Эжени. Бастиан поклялся убить его, но Ивар не явился на похороны по другой причине. Его снедало чувство вины. Он знал об участии предыдущих девушек, но все равно сделал предложение Эжени. И она согласилась, несмотря на то что родители настоятельно советовали отказаться. И чем ей отплатил Ивар?

— За два месяца до свадьбы! — Он на мгновение закрыл лицо руками, пряча гримасу боли, хотя абсолютно никто, за это Ивар мог поручиться, его не видел. — Еще быстрее, чем прежде!

Сделав пару глубоких вздохов, граф заставил себя наблюдать за тем, как гроб сгружают с траурной повозки и на плечах вносят в склеп.

Он трус. Плевать на Бастиана, Ивар обязан был быть там, но как смотреть на мертвую Эжени?

Пальцы сжали букет из белоснежных лилий. Когда все уйдут, Ивар положит их на могилу.

Чары надежно уберегали цветы от губительного прикосновения ветра, а вот себя граф не жалел. Наоборот, он специально подставлял лицо под хлесткие удары, раз за разом бросал вызов стихии, не желая покидать продуваемого всеми ветрами места.

Похороны длились долго. День успел смениться сумерками, когда старинное кладбище наконец опустело. Стряхнув с себя оцепенение, Ивар спустился с холма и, привязав продрогшего коня к первому подходящему деревцу, тронулся в скорбный путь. Граф пожалел, что его самого не брал холод. Наверное, если бы он мог умереть от воспаления легких... Ивар тут же отогнал позорные мысли и прибавил шагу. Пальцы сжались в кулаки, сминая нежные стебли. Он первым осудил бы себя, вздумай искать смерти до срока. Эжени — всего лишь очередная страница в его жизни. Ивар извлек урок и больше не повторит ошибок.

Мраморное надгробие украшало целое море цветов. Ивар с трудом нашел, куда положить свой букет. Постоял немного, склонив голову, и быстрым шагом, не оглядываясь, покинул склеп.

— Что, вурдалак, еще одну загубил?

Злые слова будто отравленным ножом вошли в сердце.

Ивар обернулся и увидел одетую с головы до ног в черное женщину. Даже сквозь скрывавшую лицо плотную вуаль он ощущал исходящую от нее ненависть. Если бы могла, Марджери задушила бы его.

Граф промолчал и отвернулся.

Не стоило приезжать сюда, приходиться на могилу. Ивар рисковал вызвать неудовольствие короля, но все равно проводил Эжени. Какова же будет плата?

— Что молчишь? — не унималась Марджери.

Она смело шагнула вперед и ухватила его за край плаща.

— Думал, никто не узнает, если вырядишься простолюдином?

И хрипло рассмеялась, порадовавшись, что вуаль спрятала перекосившую лицо скорбную гримасу. Ивар сир Лир не увидит ее сломленной, напротив, это она сделает все, чтобы заставить его страдать.

— Мне очень жаль!

Избитая жестокая фраза, но что еще он мог ответить?

— Жаль? Тебе — жаль?

Костяшки ее пальцев побелели, но вовсе не от холода.

— Душегуб, ты отправил на тот свет пятерых! — Она почти кричала, намертво вцепившись в плащ Ивара. — Эжени сир Ниер было семнадцать. Всего семнадцать, слышишь?!

Ивар скорбно покачал головой. Он понимал ее ярость, но ничего не мог изменить.

— Не впутывайте Бастиана, — уставшим голосом попросил Ивар. — Не хочу убивать и его.

Это не было пустым бахвальством. Пожелай Бастиан бросить ему вызов, проиграл бы. Даже если бы Ивар дрался вполсилы, разница в мощи дара все равно сказалась бы. Бастиан совсем юноша, не закончил курса обучения, он заведомо обречен.

— Он сам решит, я ему не указ.

Немного успокоившись, женщина отпустила плащ Ивара и покосилась на вход в усыпальницу:

— Который из букетов твой? Его нужно выбросить.

Графу словно дали пощечину. Собеседница именно этого добивалась: не в силах причинить боль физически, старалась уничтожить морально. Только вот тетушка Эжени перешла границы дозволенного.

Она стойко выдержала его взгляд. На долю Марджери сир Ниер выпало слишком много испытаний, чтобы испугаться даже наследника рода Лиров.

— Я все равно их найду и выкину, — упрямо повторила она. — А ты не смей здесь больше появляться! Чтобы духу твоего рядом с Эжени не было!

Ивар ушел, не прощаясь.

Комья влажной земли летели из-под сапог, противно чавкала напитанная ледяной влагой почва. Ивар с силой впечатывал в нее каждый шаг, словно стремился растоптать свою злость и боль. Он уже знал, чем займется, когда вернется. Никакого дворца — Ивар выйдет на задний двор и станет метать ножи, долго, пока не устанет. Раз за разом вонзать их в мишень. И один точно достанется мысленному образу Марджери. Сделать его виноватым!.. Ей, потомственной ведьме, лучше других известно — Ивар бессилен против злого рока.

Боковая калитка жалобно закрипела, снесенная порывом ветра.

Ивар больше не таился, не скрывал своей силы. Пусть все видят и боятся. Даже Бастиан не посмеет пикнуть ему в лицо.

Тьма в крови стремительно густела, готовая обернуться самым настоящим смерчем. К счастью, Ивар сумел вовремя пода-

вить ее и только сейчас заметил собственного коня. Граф нахмурился. Он точно помнил, что оставил его в другом месте.

— Это я отвязал коня, сир. Нашел и посчитал нужным привести, чтобы вы не тратили времени зря.

Ивар горько усмехнулся. Королевские фамильяры и не на такое способны! От них невозможно спрятаться, бесполезно маскироваться, они считывали человека по ауре. Сегодня его величество выбрал в качестве посланника горгулью. Вот она — сидит на ограде, сверкает алыми глазами. Как только лошадь ее к себе подпустила? Не иначе фамильяр принял человеческий облик. При желании они это тоже умели.

— Давай сюда! — Ивар устало протянул руку, готовый забрать очередной, совершенно секретный пакет.

— Вас просят явиться во дворец, — покачала головой горгулья. — Немедленно.

Граф скептически хмыкнул. Немедленно! Горгулья наверняка приврала. Если бы в Должере случилось что-то важное, требовавшее безотлагательного вмешательства, Ивара давно бы завалили весточками.

— Хорошо, ты передала, свободна! — отмахнулся он от назойливого фамильяра и, помедлив, предупредил: — Лошадь мою больше не трогай!

Вместо ответа горгулья взмахнула каменными крыльями и, сетуя на грубость магов и жуткую погоду, растворилась в воздухе, словно в тумане.

Ивар некоторое время задумчиво постоял у калитки. После поставил ногу в стремя, не став смахивать с седла нападавший снег.

Взгляд выцепил за деревьями и почерневшими от времени надгробиями Марджери. Проклятая ведьма следила за ним! Сложив ладони, Ивар нашептал слова заклинания и выпустил его в стылый воздух. Ну вот, кончено.

Не стоило делать Эжени предложения. Зато свету она запомнилась мученицей, не превратилась в очередную матрону, окруженную детьми и любовниками. Может, о ней даже напишут роман. Ивару непременно отведут роль злодея, но он привык. Пять мертвых женщин, одна за другой, притупили некоторые чувства.

Бросив короткий взгляд через плечо, Ивар убедился, что поземка чар сделала его невидимым даже для ведьмы. Как же сейчас ему хотелось остаться одному! Побродить по окрестностям кладбища, полюбоваться старым замком Ниеров, а после, словно простолюдину, завершить день в прокуренной таверне у

реки. Однако Ивар поборол соблазн и, коснувшись медальона на шее, открыл портал в столицу.

Какой разительный контраст — яркое солнце вместо стылого влажного воздуха! Здесь всю хозяйничала весна. Она играла бликами в стеклах, выгоняла бродячих кошек погреться на крылечке.

Ивар мог бы сразу перенестись во дворец, но он дал себе немного времени подготовиться. Граф Монтезе не просто титул — это определенный образ, обязанности. У Ивара хватало врагов, он не даст им ни единого шанса преуспеть. Опять же лошадь застоялась, продрогла, ей не помешает немного движения.

— Откуда вы, сир? — укоризненно покачал головой конюх, принимая нового постояльца. — Словно с того света явились!

Ивар метнул на него гневный взгляд, вынуждая замолчать. Хотя бедолага был недалеко от истины — граф действительно недавно смотрел в глаза смерти. Но слугам полагалось работать, а не молотить языком. Зато отмолчаться на вопрос короля не получится. Ивар подозревал, что монарха заинтересует подозрительная отлучка.

Его величество принял графа не в кабинете, а в личной гостиной. Уже интересно — рабочие вопросы не решались за чашкой чая. Когда Ивар вошел, король стоял к нему спиной и серьезным, не вязавшимся с его ребяческим занятием видом рисовал дыханием кружки на стекле.

— Садись! — Обернувшись, Трезор сир Валлен кивнул на диван возле сервированного для чая круглого наборного столика. — Мне доложили, ты ездил...

Он не договорил и нахмурился. Граф стойко выдержал осуждающий взгляд, опустил на предложенное место и, нарушив правила этикета, потянулся за сахарницей. Маленькая слабость — он не признавал горького вкуса даже в зельях. Что до этикета, то Лиры почти не уступали правящему роду Валленов и при удачном стечении обстоятельств могли бы соперничать с ними за власть.

— Зачем? — отчаявшись услышать оправдания, напустился на подданного Трезор.

Ивар наблюдал за этим высоким нервным мужчиной, казалось навсегда застывшим на рубеже тридцатилетнего возраста, и пытался понять, почему король уделил столько внимания, казалось бы, пустяшному событию. Люди умирали каждый день, некроманту ли этого не знать?

— Вы позвали меня только для обсуждения чужих похорон? — Ивар удивленно поднял брови и размешал сахар.

Пожалуй, чай — это хорошо, особенно после многочасового стояния под мартовским мокрым снегом.

Перед тем как сделать глоток, Ивар привычно незаметно коснулся напитка кольцом. Не потемнело — яда нет. Трезору незачем его убивать, но предосторожность лишней не бывает.

— Разумеется, нет! — излишне резко ответил король.

Глаза его на мгновение сверкнули, выдавая темную суть. Точно такая же дарила силу роду Лиров.

— Мне просто не нравится твоё поведение, — сделал глубокий вздох, уже спокойно продолжил он. — Не стоит зря плодить слухи.

— Я не оскорбил память Эжени сир Ниер покаянием над гробом. Ее родители считают, будто меня там вовсе не было, — с легким раздражением отчитался Ивар.

Едва заметная одобрительная улыбка тронула губы короля. Раз так, ничего страшного, главное, обойтись без скандала.

— Тебе нужно тщательно следить за репутацией, особенно сейчас.

Трезор занял место подле Ивара. По щелчку пальцев один из фамильяров налил ему чая и поспешил исчезнуть.

— С чего вдруг? — удивился Ивар.

— С того, — загадочно улыбнулся король, — что у меня на тебя большие планы. Довольно отсиживаться в тени, пора выходить вперед. Собственно, об этом я и собирался поговорить. Я планирую сделать тебя министром.

Он замолчал и выжидающе уставился на собеседника. И вновь Трезор остался доволен — чашка в руках Ивара дрогнула. О, монарх прекрасно знал, о чем мечтал граф, но существовало еще одно маленькое условие, которое он пока не озвучил.

— Пора, мой друг! — Трезор по-дружески похлопал Ивара по плечу. — Место Шакира пустует, и я наконец нашел ему достойную замену. Не мне тебе объяснять, как важно окружить себя верными и одновременно опытными людьми.

Выдержка изменила графу. Он порывисто поднялся и поклонился.

— Благодарю за оказанную честь!

Услышав о министерском портфеле, Ивар и представить себе не мог, что Трезор намеревался доверить ему ключевой пост. Отвечать за всю внешнюю политику! Выше взлететь практически невозможно, разве только породниться с королевским домом.

— Подожди с благодарностями! — Монарх чуть ли не силой усадил его обратно, заставил глотнуть чая. — Да и никакой моей заслуги тут нет, только твоя. Правда, — помрачнев, Трезор забарабанил пальцами по обивке дивана, — существует одно крохотное условие... Я искренне надеялся, что у тебя все образуется с Эжени...

— При чем тут она? — сразу напрягся, выпустил колючки Ивар.

Былая радость померкла, сменившись напряжением. Ну конечно, не все так просто, всегда существовал подвох.

— Тебе нужно жениться, — решительно заявил король. — Возражения не принимаются, нашу страну может представлять только семейный человек.

Ивар холодно обронил:

— Это невозможно. Вы лично присутствовали при вскрытии моей...

Он сделал короткий вздох и продолжил:

— Моей жены. Смерть от естественных причин. То же со всеми остальными. Все они умирали, когда становились или готовились стать графиней Монтезе. Все, я дал зарок, ваше величество, после Эжени никаких невест!

— Даже если на кону пост министра? — прищурился Трезор.

— Даже, — кивнул Ивар. — Я пытался пять раз и не желаю хоронить шестую девушку.

— Подумай! — настаивал монарх. — Игра стоит свеч! Главное, чтобы ты был женат на момент вступления в должность, а там... После вручения верительных грамот графиня может удалиться в фамильный замок и вести жизнь затворницы.

Ивар покачал головой и попытался донести до короля простую истину:

— Я не убийца.

— Тебя никто и не обвинял.

Ивару хотелось рассмеяться ему в лицо. Не обвинял! Не далее как пару часов назад Марджери сир Ниер укоряла его в смерти племянницы. После случившегося матери и вовсе начнут в ужасе прятать в башнях своих дочерей. В случае с Эжени помогло упорство влюбленной девушки и щедрые дары, которыми Ивар купил барона, но это был его последний шанс.

— Ни одно порядочное семейство не согласится со мной породниться.

— Вздор! — отмахнулся от его аргументов Трезор. — Надо настойчивее просить и не верить в мистическую чушь. Эжени сир Ниер отличалась слабым здоровьем, ее сгубила чахотка.

Родителям следовало не скупиться на дрова и теплее одевать дочь. Словом, — он отставил нетронутую чашку с чаем и поднялся, Ивару пришлось последовать его примеру, — условия я озвучил. Нет жены — нет министерского портфеля. Но чтобы облегчить тебе задачу и отвлечь от глупых мыслей о роке, я хочу назначить тебя на временную должность. Ты ведь в курсе донесений из Университета высшей магии?

Граф кивнул.

— Так вот, я хочу, чтобы ты со всем этим разобрался. Мне не нужны проблемы в сердце королевства. А чтобы никто ничего не заподозрил, станешь замещать ректора, пока не выберут нового.

— Пока вы не назначите, — с понимающей ухмылкой поправил его Ивар.

Выборы — фикция, все решал король.

— Не придирайся к словам! — поморщился Трезор. — Лучше действуй. Заодно жену себе подыщи. Среди студенток полно симпатичных, согласных хотя бы на ночь прыгнуть в твою постель. Надеюсь, к лету справишься с обеими поставленными задачами. Университет университетом, но я предпочел бы видеть тебя министром. А если нет...

Король развел руками.

— Если не женишься до конца года, придется отдать пост другому. Оставлю тебя вечно маяться с протекающими потолками и учебными планами.

ГЛАВА 2

Ивар всегда любил ненастную погоду, когда ветер остервенело хлестал по стеклам, силясь их выломать, а облака стремительно пронеслись по небу, врезаясь в верхушки деревьев. Она походила на него, была его сутью, той самой Тьмой, не знавшей покоя. Ивар привык находить спокойствие в буре. Сколько раз, еще ребенком, он тайком сбегал из дома, заслышав раскаты грозы. Бродил по саду, подставив лицо прохладным каплям, раскрывал объятия ветру, споря с ним в силе. Им овладевало странное упоение, пьянящее, звенящее. Правда, Ивар давно не испытывал его. Если быть точным — без малого двадцать лет. Однако Ивар все равно порадовался, что изменчивый март на время скрыл солнце за низкими облаками, залил землю бесконечным дождем. Он зарядил прошлой ночью и не думал заканчиваться, то усиливался, то превращался в туман-

ную противную морось. Почерневшие деревья напоминали Ивару трупы. С некоторых пор у него многое было связано с кладбищем.

— Так не годится! — укоризненно цокнул языком Матиас сир Харт, маркиз Баме. — Этак ты скатишься в черную меланхолию!

Лучший друг неожиданно возник на пороге замка вечером. Будто чувствовал, Ивару требовалась его помощь.

— Я не убивал их. — Граф проигнорировал замечание приятеля и с трудом заставил себя отвести взгляд от буйства природы. — Разве только...

Он замолчал и невидящим взором уставился на собственные руки.

— Во всех девушках жила Тьма, — возразил Матиас. — Даже в Эжени.

— В ней ее было меньше всего, — вздохнул Ивар, пытаясь отогнать демонов прошлого. — Она родилась почти человеком. Может, Марджери сир Ниер права...

Вновь не закончив фразы, он вернулся к столу, налил себе вина и, не чувствуя вкуса, одним глотком осушил фужер на короткой толстой ножке.

Матиас нахмурился. Так не пойдет! Сдается, именно душевное состояние друга повлияло на погоду. В южной части Должера весна приходила рано, а тут вдруг будто вернулась поздняя осень. Перемены настроения магов уровня Ивара опасны, особенно в местах силы. Они никогда не обсуждали данный вопрос, но Матиас подозревал, что Лиры не просто так выстроили замок именно на этом холме. Недаром он неизменно чувствовал прилив сил, когда приезжал сюда. Только вот пользоваться дарованной энергией Матиас боялся и при первой возможности стремился зарядить ею артефакты. Все же они с Иваром разные. Не только внешне — цвет волос и глаз маркиза был чуть теплее, но и во всем остальном. Настолько разные, что Матиас не раз задавался вопросом: что же их сблизило?

Тьма клубилась далеко не в каждом маге Должера, хотя некогда королевство заселяли исключительно темные. Но шли годы, местное население активно росло, и если первенец еще сохранял мощь крови родителей, то последующие дети получали все меньше Тьмы. Прибавьте к этому интрижки и мезальянсы с обычными людьми, договорные браки с магами из соседних государств... В итоге семьи вроде королевской или те же Лиры превратились в негласную элиту, став немногими, сумевшими сохранить дар без примеси. Несмотря на высокий титул,

Харты тем же похвастаться не могли. Впрочем, Матиас всегда думал об этом не без гордости, они на голову превосходили по силе многих дворян. Недаром представители вот уже пяти поколений его семьи с успехом выдерживали вступительные экзамены и достойно оканчивали Университет высшей магии или более привилегированную Закрытую высшую школу Затеина. Последняя в свое время и свела двух мальчишек. Учеба давно закончилась, а дружба осталась.

— Тебе нужно успокоиться! — решительно заявил Матиас. — И забыть бредни старухи. Убитая горем, она и не то скажет!

Прищурившись, он оглядел приятеля и удовлетворенно кивнул:

— Ага, проклятие почти растворилось.

— Проклятие? — недоуменно переспросил Ивар.

Он и не почувствовал. Ну да, сил Марджери не хватило на то, чтобы свести его в могилу, зато теперь понятно, отчего после кладбища Ивар пребывал в подавленном состоянии духа. «Ты знаешь почему, — упрямо возразил внутренний голос. — Ты злишься, потому что не сумеешь получить заветный пост. Ты оплакиваешь Эжени и пытаешься свыкнуться с горестным будущим». Ивар тряхнул головой. Вздор! Будущее еще не написано, и он найдет способ его изменить.

— Потрясающе! — восхищенно протянул Матиас, когда остатки смертоносной паутины на ауре, вспыхнув, исчезли.

— Не люблю сомнительных подарков, — мрачно усмехнулся Ивар.

Марджери не стоило этого делать.

— Не люблю, но раз за разом их получаю, — после короткого молчания добавил Ивар. — Вот и король удружил. Складывается впечатление, что он ищет предлог задвинуть меня подальше, но при этом сохранить добрые отношения.

Матиас мельком покосился в окно, прислушался. Ветер постепенно стихал, дождь уже не так рьяно барабанил по стенам. Выходит, приятель таки невольно приложил руку к разыгравшемуся ненастью. Но не он один — даже самый сильный маг не смог бы полноценно повелевать погодой. Так, если только вызвать грозу или смерч, изрядно подкосив свои силы. Март — месяц изменчивый, спасибо, снег не пошел. К примеру, имение Матиаса вчера завалило. Еще бы, оно в каких-то двух часах езды от дома Ниеров. Теперь и маркиз ощутил укол вины. Некогда именно он устроил тот бал, познакомил Эжени и Ивара. Кто же знал, что девочка влюбится?..

— Сомневаюсь. Ты ему нужен. Ты и твоя магия.

— Осталось только понять, что нужно мне, — ненадолго погружившись в собственные мысли, пробормотал Ивар.

Портфель министра иностранных дел. Без жены его не получить. Когда-то она у Ивара была. Он связал себя узами брака двадцать лет назад. Розмари сир Лейда, дочь герцога Ансера, казалась идеальной партией как ему, так и тогда еще здравствовавшему отцу. Еще бы, ведь в ее жилах тоже текла чистая Тьма! Увы, чистота крови не помогла, хотя Ивар прожил с ней дольше, чем со всеми другими девушками, которым делал предложение, — целых два года. А потом... Потом Розмари умерла, просто не проснулась. Естественная смерть от непонятных причин. Детей у них не было, и, сняв траур, Ивар предпринял очередную попытку, но с менее родовой невестой, наследницей смешанной крови. Тогда дело дошло до свадьбы, но невеста скончалась во время церемонии, не успев произнести слова клятвы. Ей внезапно стало плохо, бедняжка задохнулась. Врачи лишь разводили руками, маги тоже не могли ничем порадовать. Ни яда, ни следов проклятия — ничего. Дальше — только хуже. Каждая новая избранница Ивара умирала все раньше. По Должеру поползли слухи. Шептались, будто предложение руки и сердца Ивара сир Лира равносильно смертному приговору. И вот Эжени. От герцогини до дочери провинциального барона без капли Тьмы в магии. Спрашивается, где еще Ивару искать жену, если от него шарахались даже представители худородного дворянства? Не среди мещан же! На такое Ивар не пошел бы под страхом смерти.

— Самое гадкое, я не понимаю, почему вдруг превратился в Черного Вдовца. — Граф озвучил ненавистное прозвище, которым его наградили. — Словно расплата за прошлые семейные грехи!

— Может, ты и прав, — задумчиво протянул Матиас. — За всеми не уследишь, вдруг твой прапрапрадедушка обманул красотку, а ты теперь за него отдуваешься.

— Но что делать-то? — Ивар раздраженно барабанил по пустому стакану. — Ни один дворянин в Должере не отдаст за меня дочь. Еще и назначение это!..

Он поморщился от одной мысли о шумных студентах, вечно недовольных преподавателях и скудном бюджете, который нужно растянуть на весь год. Вдобавок тайное общество... У Ивара не хватит сил на обольщение потенциальных невест. И тут ему в голову пришла мысль. Сначала Ивар счел ее бредо-

вой, отмахнулся от нее, но она упорно возвращалась, не давая покоя.

— Как думаешь, — повернулся он к приятелю, — много у нас вдов?

— Вдов? — не понял Матиас.

— Ну да, тех, кто после смерти супруга остался без денег. Я мог бы обеспечить детей одной из них взамен на брак со мной.

Жестоко, но матери и не на такое пойдут. Все лучше, чем потерять родовое гнездо, вместе с детьми оказаться на улице.

— Я собираюсь обменять титул графини Монтезе на солидную сумму, которой хватило бы на безбедную жизнь в течение пары лет. Иного выхода нет, я обязан получить министерский пост. Да и вдруг злой рок даст сбой? Я ведь не планирую жить с супругой. Выберу первую попавшуюся из тех, кто согласится, с нарочным пришлю кольцо, платье. Мы в первый и последний раз увидимся во время брачной церемонии. Ну как, Матиас, думаешь, сработает? — с надеждой спросил Ивар.

— И тебе...

Друг вздохнул и покачал головой. Он догадывался, его слова не возымеют действия, но все равно спросил:

— Тебе не жалко будущей жены?

Ивар с ним не советовался, Матиас не питал иллюзий. Он видел решимость в глазах друга, то, как поменялся цвет его глаз — больше не небесная синева, а ночная чернь. Спорить с Иваром бесполезно, можно лишь попытаться отговорить его. Мягко, тщательно просчитывая шаги, чтобы не потревожить Тьму. Матиас по себе знал, на что она способна. Когда-то он едва не сотворил непоправимое, поддавшись ее зову. Ивар и во все полностью соткан из Тьмы.

— Прекрати!

Ивар помассировал виски. Он вдруг ощутил мертвенный холод. Откат? Возможно. Может, проклятие и не причинило физического вреда, но ни одно магическое воздействие не проходило бесследно. Ивару нужен огонь. Одна стихия против другой.

— Ивар, — не унимался Матиас, — ты ведь сам думаешь об этом.

— Больше нет.

Ивар подошел к камину и вытянул руку. Повинуясь чужой силе мысли, сухие поленья объяло пламя. Оно взметнулось снопом искр, но затем успокоилось. Ивар наклонился, провел ладонью сквозь огонь. Хорошо! Он даже зажмурился от удовольствия. Тепло прогоняло холод, сжигало остатки чужой магии.

— Марджери заплатит, — обронил в пространство Ивар, продолжая гипнотизировать взглядом пламя. — Я уважаю ее горе, готов простить многое, но не проклятие. Приготовь для нее подарок, Матиас.

Друг промолчал. Обернувшись к нему, Ивар с глухим раздражением заметил:

— Ты слышал, не притворяйся глухим! Я устал и не желаю препирательств.

— Подарок так подарок, — легко сдался Матиас.

В самом деле, кто ему леди сир Ниер? Ни жена, ни любовница, всего лишь вдовая сестра соседа. Следовало задуматься о последствиях перед тем, как проклинать Ивара.

— Какой там круг посвящения? — деловито осведомился он.

Ивар пожал плечами.

— Никогда не интересовался. Наверное, первый.

— Тогда, — жестко улыбнулся Матиас, — считай, что ее нет. Никто не всплакнет.

Ивар рассеянно кивнул и наконец отнял руки от пламени. Прислушавшись к собственным ощущениям, он понял: теперь все в порядке. Матиас прав, пора перестать грустить и заняться делом. Например, послать фамильяра в университет, предупредить о своем прибытии. Он не собирался сваливаться как снег на голову, пусть подготовятся, приведут в порядок бумаги, попытаются скрыть махинации. Ивар хищно усмехнулся. Он все равно найдет, как бы глубоко ни прятали, как бы приторно ни улыбались деканы и преподаватели. Именно поэтому Трезор послал Ивара. Несмотря на относительно юный возраст — носители чистой Тьмы порой доживали до трехсот лет, а граф пока не справил полувекового юбилея, — он прочно вошел в число приближенных монарха.

— Как думаешь, — Ивар вернулся к столу и оперся на него ладонями, — сколько предложить?

— Боишься переоплатить? — хмыкнул Матиас и сделал неспешный глоток.

— Просто советуюсь.

— Значит, решено окончательно? — в сомнении покачал головой приятель.

Взгляд его серьезных серых глаз задержался на лице Ивара. Тот практически сразу отвернулся. Может, Матиас и не мог похвастаться чистотой крови, зато мало кто мог стойко выдерживать подобный взгляд. Даже король. Матиас будто снимал с жертвы кожу, слой за слоем, подбирался к сокровенному. Специализацию он выбрал соответствующую. У Марджери сир

Ниер не было шансов. Если идея с постом министра выгорит, Ивар позаботится, чтобы друг тоже сделал шаг по карьерной лестнице, из заместителя превратился в полноценного руководителя Алого кабинета.

— Предлагаешь до конца своих дней носить цветы на могилу Эжени? — пробурчал он, подвинул к себе кресло и сел.

Ивар устало покосился на графин, но наливать себе больше не стал.

— Ей следовало влюбиться в тебя. Или вовсе ни в кого не влюбляться. Чувства — словно туман. Ты идешь и не замечаешь опасности. Поэтому не влюбляйся, Мат, и будь счастлив!

— Как и ты, — отсалютовал ему фужером приятель. — Ищи свою вдовушку и заставь весь мир содрогаться при упоминании имени Ивара сир Лира.

Граф проигнорировал сказанную без всякой задней мысли лесть. Матиас дружил с ним бескорыстно, это он не раз проверил. Самого же Ивара не волновала власть. Предков — возможно, но их потомка устраивал не самый высокий титул и портфель министра иностранных дел. Хотя Матиас в чем-то прав, в новой должности Ивар решал бы тысячи судеб.

— Ну а ты? — Он сменил тему, окончательно прогнав из комнаты призрак Эжени. — Как очередная невеста, которую подыскала тебе матушка?

— С удовольствием накормил бы мышьяком.

Сложно было понять, серьезно он или шутит, поэтому Ивар на всякий случай посоветовал:

— Не стоит! — И, улыбнувшись одними губами, добавил: — Два Черных Вдовца на один Должер — это перебор!

И все же почему они умирали? Вновь обратившись в прошлое, Ивар не сразу расслышал поскребывание. Вскинув взгляд, он обреченно уставился на фамильяра, портившего когтями каминную полку.

— Ну чего тебе?

Вместо ответа горгулья расправила крылья и спланировала на спинку кресла Ивара, он едва успел уклониться. В шею уперся пергаментный сверток. Горгулья разжала когти, и тот упал графу на колени. На прощанье мигнув огненными глазами, фамильяр скрылся из виду.

— На редкость бесцеремонен! — прокомментировал Матиас. — Как и все Валлены.

— Тсс! — Ивар приложил палец к губам.

Однако его волновали вовсе не крамольные мысли приятеля. Ивар с сосредоточенным видом взломал сургуч и осторож-

но развернул сверток. Внутри оказался медальон. С виду простенький, какие массово продают на деревенских ярмарках. Только взгляд опытного мага видел отличия. Ивар взвесил его на ладони, повертел в пальцах. Древний, похожий на родовой артефакт. О назначении судить сложно: подобные вещи не раскрывали своих секретов первым встречным.

Заинтересовавшийся Матиас перегнулся через подлокотник, чтобы лучше рассмотреть присланную вещицу.

— Да это же!.. — нахмурился он и вырвал медальон. — Дай-ка!

Ивару оставалось лишь молчаливо возмутиться подобному самоуправству.

Матиас тем временем пристально изучил каждую щербинку и неодобрительно цокнул языком. Ивар ожидал, возможно, друг что-нибудь скажет, но он лишь вернул медальон приятелю и мрачно посоветовал:

— Верни Трезору!

— Почему?

В Иваре разыграло любопытство. Матиас явно видел больше него. Удивительно! Все оказалось просто: медальон и пергамент прежде хранились в запасниках Алого кабинета.

— С помощью медальона выявляют Безликих. На пергаменте приведена подробная инструкция. Сдается мне, под видом разоблачения тайного общества король посылает тебя на поиски смерти.

Ивар сжал медальон в кулаке так, что гравировка в виде треугольника отпечаталась на коже. Слова друга посеяли в нем сомнения. Трезор, как и все сир Валлены, опасался сир Лиров. Не надумал ли он действительно от него избавиться? Только...

— А почему мы решили, что медальон прислал Трезор? На воске нет вензеля, к медальону и пергаменту не приложено записки.

— Но кто еще мог воспользоваться его фамильяром?

Вопрос повис в воздухе без ответа.

ГЛАВА 3

Боль. Казалось, она заполняла каждую клеточку тела, просочилась в мозг.

Августа с трудом подняла голову, застонав, провела ладонью по волосам. Что-то липкое. Кровь? Она попробовала ее на

вкус и сплюнула. Мерзко! Вся ее недолгая жизнь соответствовала этому слову. Сегодня она едва не закончилась...

Все началось в прошлую субботу.

Августа проснулась оттого, что прямо в глаза било яркое солнце. Заворочавшись, она уткнулась лицом в подушку и недовольно пробормотала:

— Эд, закрой занавески!

Ответа не последовало, и Августа толкнула локтем... пустоту.

Сон мигом испарился. Встревоженная Августа села на кровати и в растерянности устала на смятую постель. Наверное, Эдуард ненадолго отлучился, к примеру, купить свежую выпечку к завтраку. Его одежды на стуле нет, значит, он действительно ушел. И давно, постель успела остыть.

Нахмурившись, Августа завернулась в одеяло и подошла к окну. Она снимала комнату на втором этаже с видом на улицу, если Эдуард действительно отправился в пекарню, Августа его увидит. Однако минута уходила за минутой, а знакомый силуэт не появлялся. Устав ждать, Августа вернулась в постель.

Вчера она потеряла девственность. Не здесь: Эд взял ее вниз, в общей прихожей, так ему не терпелось. Августа не возражала. Наоборот, сердце ее пело, тело стремилось к нему. Августе казалось: вот оно, то самое счастье! Судьба ее не баловала, посылая удар за ударом, а тут Эдуард... Они встретились на почте, когда она отправляла очередное письмо сестренке и матери. В каждое Августа неизменно вкладывала половину своего скудного заработка учительницы. Отныне она единственная кормилица семьи, больше о них некому позаботиться. Именно поэтому Августа переехала в это захолустье, недоучившись в Университете высшей магии. Не до амбиций, за любое место хватиться. А ведь ей оставался всего год...

Августа отогнала неясную тоску по упущенным возможностям и принялась искать трусики. Все равно не вышло бы из нее ничего путного, на год позже оказалась бы в такой же школе.

Дела семьи и прежде шли плохо. Отец тяжело болел, и Августа больше тревожилась о нем, матери и маленькой сестре, нежели о мужчинах, поэтому затянула с девственностью. Но вчера с ней наконец было покончено.

Эдуард казался уставшей тащить все на своих плечах Августе долгожданным глотком свежего воздуха. Что она видела за те два года, которые провела в Умайне? Одноэтажное здание школы, в которой вечно пахло гарью и мышами. Скучающие лица детей, мечтавших скорей сбежать с уроков. Коллег, кото-

рые не могли отличить *magia spiritum* от *magia mentalica*, но мнили себя знатоками жизни. Августу тошнило от их поучений, советов скорее найти мужчину и забеременеть. Почти все представители сильного пола, они считали юную учительницу недоразумением, даже порывались помочь ей в реализации женского счастья. Августа мужественно терпела. По контракту она не имела права уволиться целых три года. Но если все же выдержит, а она выдержит, то станет старшей учительницей, получит прибавку к жалованью.

Снова деньги. Отыне все в ее жизни упиралось в деньги.

В дверь постучались.

Решив, что вернулся Эдуард, Августа метнулась открывать. Увы, на пороге стояла хозяйка. Поджав тонкие губы, она осуждающе уставилась на квартирантку. Августа остро ощутила свою наготу и плотно сжала бедра. Захотелось немедленно вымыться, стереть последствия бурной ночи. Кончики ее ушей горели. Казалось, хозяйка знала, даже как именно она вчера занималась любовью. К счастью, пожилая женщина промолчала и протянула ей стопку конвертов:

— Принесли с утренней почтой.

Поблагодарив, Августа хотела закрыть дверь, когда хозяйка высказалась-таки насчет ее поведения:

— Очень надеюсь, что вы не превратите мою квартиру в бордель. В противном случае я буду вынуждена отказать вам от комнаты.

Августа недоуменно покосилась на нее. Сначала она решила, что хозяйка не одобряла добрачные связи, но затем ее взгляд упал на тумбочку рядом с дверью. Там Августа держала разную мелочовку: шарфик, перчатки. Теперь поверх этого поблескивали две медные монетки номиналом в пять грошей — во столько оценил ее любовь Эдуард.

Кровь отхлынула от лица Августы. Покачнувшись, она деревянным голосом пробормотала:

— Это не то, о чем вы подумали. Знакомый вернул долг.

— Надеюсь! — недоверчиво хмыкнула хозяйка и наконец-то ушла.

Августа, как в тумане, закрыла за ней дверь и рухнула на пол поверх сползшего одеяла.

Десять грошей — стоимость трех селедок на рынке. За такие деньги Эдуарду вряд ли удалось бы снять шлюху на ночь. В душе закипала ненависть. Вот как он оценил ее! А она, дура, поверила. Месяц, целый месяц Эдуард красиво ухаживал, встречал ее после работы, возил на реку. А потом грубо взял

возле лестницы. Почему она не оттолкнула его? Разве так вел бы себя влюбленный? Но тогда Августа сгорала от желания, думала только о его губах, руках, даже умолчала о девственности. Помнится, Эдуарду очень не понравилось, когда он почувствовал нежданную преграду, однако Августа неумелыми, но искренними ласками убедила его продолжить. И вот награда — десять грошей.

Августа потрянула копной русых волос и рассмеялась. Она хохотала и хохотала, уткнувшись в сложенные лодочкой ладони. И вдруг резко перестала, подхватила с пола одеяло и швырнула на постель.

Взгляд снова упал на злосчастные деньги. Нет, она их не выбросит: красивые жесты для аристократок. Три селедки — так три селедки.

— Дешево же дали за твою девственность! — прошипела Августа. — Надо было в университете кому-нибудь дать, глядишь, на серебряный драмм наработала бы. Там ребята состоятельные, да и ты моложе была, выше ценилась.

Она не заплачет, нет, не заплачет, извлечет урок и пойдет дальше. Дура, беспросветная дура!

Одинокая слезинка скатилась-таки по щеке. Августа шмыгнула носом и смахнула ее костяшками пальцев.

Ее растоптали? Что ж, хотя бы не ограбили. Августа проверила, Эдуард не позарился на ее скудные сбережения. Или все же отыскал их и из жалости оставил те самые гроши? Они будут не лишними: на все про все до конца месяца у нее оставалась четверть драма. Теперь с подаренными десятью грошами уже треть.

— Ублюдок! — Августа от души припечатала вероломного возлюбленного. — Мы еще поговорим, сегодня же. Я прекрасно знаю, где ты служишь, где вечерами пьешь эль. Я тебе все выскажу при свидетелях! А если ты вдобавок сделал мне ребенка...

Она сглотнула, отгоняя мысли о незавидном будущем. Эдуард не женится, это предельно ясно, а брюхатая бесприданница никому не нужна. Ребенка ей не потянуть, никак. Выходит, придется потратить половину накоплений и заглянуть в аптеку, Августа не могла рисковать. Она и так с трудом сводила концы с концами, билась за каждый грош. А ведь шесть лет назад... Августа горько усмехнулась, вспомнив себя, юную первокурсницу. Она ни в чем не уступала родовитым студенткам — отец, тогда еще преуспевающий торговец, позаботился, чтобы любимая дочь ни в чем не нуждалась. Он гордился ее магическим даром, прочил ей великое будущее.

— Вот оно, будущее, папа! — Она взяла медные гроши, перекатила в пальцах и уронила на пол. — Днем — служащая первого ранга, ночью — такая же дешевая шлюха.

Злость на Эдуарда сменилась апатией. Слишком больно, слишком тяжело! Но надо встать, умыться, приготовить на общей кухне скудный завтрак.

— Кофе в постель? Как же, принцесса! Трахнули — и свободна!

Августа специально хотела по сильнее себя ужалить. Нужно выбраться из болота, снова заставить себя жить. Например, просмотреть почту.

Накинув халатик на голое тело, она подхватила стопку и уселась с ней на кровать. Что-то много на этот раз!

Верхнее письмо оказалось от матери. Стоило Августе прочитать первую строку, как предательство Эдуарда показалось сущим пустяком. Сестра серьезно больна! Слегла в лихорадке, кашляет и бредит. Мать спешила успокоить старшую дочь: мол, денег на лечение хватит, только заплатить налог нечем, не могла бы Августа выслать немного.

— Деньги, деньги, проклятые деньги!

Августа сокрушенно покачала головой и зарылась пальцами в волосы. Хоть действительно в бордель иди, раз честным трудом не заработать. Но и там золотых гор не жди, опять те самые три селедки.

— Ладно, мам, я что-нибудь придумаю! — вздохнула Августа.

Она продаст жемчужные сережки и платье, в котором танцевала на выпускном. Если не продешевить, после уплаты налога немного на жизнь останется.

Отложив в сторону письмо матери, Августа взяла следующее.

— Да вы с ума все посходили! — в сердцах выругалась она и отшвырнула конверт. — Почему именно сейчас?

Полгода назад Августа взяла ссуду в банке, чтобы подлатать крышу в родительском доме. И вот теперь банк требовал внести очередной платеж, непременно до конца месяца. А у нее треть драма в кошельке!

— Если и тут про деньги, — пробурчала Августа, взявшись за третий конверт, — то утоплюсь, хоть это бесплатно.

Письмо оказалось от Алисы сир Хайн. Августа глазам своим не поверила, прочитав ее имя на конверте. Некогда они дружили. Воистину странная парочка: младшая дочка маркиза и старшая дочь торговца специями. Когда в силу ряда причин Августа

бросила университет, пути их разошлись, и вот привет из прошлого. Алиса болтала о всяких пустяках, пеняла за то, что подружка не оставила адреса, сбежала чуть ли не посреди ночи.

«Признавайся, кто он! — игриво писала она. — Уверена, вы счастливы».

Да уж! Августа кисло улыбнулась. Счастлива, еще как! Но Алисе знать об этом не надо, пусть и дальше верит, будто подружка недоучилась из-за великой любви.

В конце письма Алиса звала ее в гости. Она как раз собиралась к троюродной сестре, жившей неподалеку от Умайна: «Я могла бы за тобой заехать, весело бы провели время».

Алиса все еще жила в прошлом, когда они устраивали совместные пикники, но теперь все изменилось. Августе нужно срочно придумать, где достать денег, ей не до развлечений. Придется вежливо отказаться, выдумать ревнивого мужа или нечто вроде того. Августа так и поступила бы, если бы во время утреннего туалета ее не озарило: университетская подружка могла стать ее спасением! Алиса добрая душа, злорадствовать не станет, одолжит немного денег. Августу все вернет, она же не подарок просит. Скажем, расплатится в течение года. Взамен Августа обязалась бы развлекать подружку. Что-то подсказывало — к дальней родственнице она ехала не по доброй воле.

Августа успела, перехватила почтальона до того, как он загрузил мешок с письмами в дилижанс. Теперь оставалось только ждать.

Алиса объявилась в четверг. Ее экипаж произвел фурор. Казалось, все окрестные мальчишки сбежались, чтобы поглазеть на карету с гербом. Такие на узких улочках Умайна не останавливались. Августа заблаговременно взяла выходной и с нехитрыми пожитками поджидала Алису на крыльце. Она не желала, чтобы подружка видела, в какой дыре она обитала, пусть думает, будто ей принадлежит весь дом. Для путешествия Августа переделась в лучшую одежду, даже потратилась на новый шарфик. Она должна произвести на Алису должное впечатление, не вызывать жалость.

Хлопнула дверца, опустилась подножка.

— Уф, добралась! Как ты тут, моя дорогая?

Алиса выпорхнула из экипажа без посторонней помощи, все такая же простодушная, милая, без присущего дворянам снобизма. Она расцеловала немного опешившую Августу в обе щеки и чуть ли не силой вырвала из ее рук саквояж.

— Ба, да мы с тобой сойдем за сестер! — хихикнула Алиса и, передав чужую поклажу кучеру, взъерошила волосы подруги под капюшоном накидки. — Ты теперь вылитая я! Признавайся, — подмигнула она и потащила Августу к экипажу, — мы точно не родственницы?

В ее шутке была доля правды. Природа наградила подруг русыми волосами и серыми глазами, практически одинаковым ростом. Если не присматриваться, со стороны они сошли бы за близняшек. Отличия крылись в мелочах: линии губ, обхвате талии, форме груди, оттенке и длине волос. Алиса была чуточку темнее, Августа, наоборот, светлее.

— Я тоже рада видеть тебя, — сдержанно улыбнулась молодая женщина.

Она ощущала себя неловко, как-никак полтора года не виделись. А университетская подруга щебетала так, словно минуло всего пять минут.

— Только без церемоний, Ава! — притопнула по рыхлому снегу Алиса и покосилась на приземистый дом за спиной Августы. — Расскажешь по дороге, как тебя занесло в эту дыру. Ты ведь неглупая, всегда обходила меня по отметкам.

Стеснение прошло. Уже открыто, широко улыбнувшись, Августа обещала поведать свою скорбную повесть.

Они уселись в экипаж. Он плавно тронулся, на время унося Августу прочь от забот.

Путешествие выдалось приятным во всех отношениях. Былые подруги беззаботно болтали дорогой, наскоро перекусили в какой-то харчевне. Алисе подобная еда казалась обыденностью, за столом у сир Хайнов не переводилось мясо, частенько и вовсе подавали деликатесы, зато Августа уплетала обед за обе щеки. Она давно так сытно не ела.

Августа толком не понимала, что произошло дальше. Откуда кровь и тупая боль? Почему потолок и пол экипажа поменялись местами? В крошечной тьме сложно было что-то разглядеть. Выходит, оба фонаря при падении разбились и погасли. Падении... Ну да, они ехали, разговаривали, и потом толчок. Глухой удар, треск — и темнота. Не такая, как сейчас, другая, когда нет даже звуков.

Августа осторожно пошевелилась. Что-то тяжелое придавило ногу, она с трудом ее высвободила.

Голова звенела, раскалывалась на десятки осколков.

— Алиса! — тихо позвала Августа.

Подруга не отзывалась. Наверное, еще без сознания.

— Я же говорила, не стоит ехать! — ворчливо пробормотала Августа и кое-как села.

Если бы Алиса согласилась заночевать в деревне, ничего бы не случилось. Но ей не терпелось добраться до кухни, и вот результат. Вместо ванны перед сном они едва не утонули. Теперь Августа вспомнила: карета перевернулась. Повезло, что не ушла под мартовский лед. Кучер нещадно нахлестывал лошадей. Видимо, колесо попало на камень, соскочило. В итоге экипаж не вписался в поворот, налетел на дорожный столб. Его завертело в воздухе, несколько раз перевернуло, отбросило к реке...

— Алиса! — настойчивее позвала Августа.

Она начинала беспокоиться. Где кучер? Неужели беднягу от удара выбросило на хрупкий лед? А лошади, что с ними стало?

Когда глаза Августы привыкли к скудному ночному освещению, она оценила истинный масштаб трагедии. Дверцы, стенки и крышу покорежило, все было усыпано осколками битого стекла. Каким-то чудом Августу не сплющило, не придавило диваном. Алисе повезло меньше. Теперь Августа поняла, что навалилось на ее ногу.

— Алиса!

Преодолевая тошноту и головокружение, она склонилась над подругой, затормошила ее. Кровь из собственной раны на голове продолжала течь, заливала глаза.

Алиса не двигалась. Неестественно повернутая голова красноречиво намекала: она мертва, однако Августа все равно проверила пульс. Ничего. Кожа Алисы была холодна.

Сколько подруга здесь пролежала, сколько Августа провалялась без сознания? Зажав рот ладонью, она в ужасе смотрела на темные пятна на одежде Алисы, на обезображенное лицо. Самый сильный, первый удар пришелся на ее сторону...

— Успокойся! Вдох-выдох, вдох-выдох!

Августа заставила себя отвести взгляд от тела. Из груди вырвался хрип. Сначала отец, потом сестра, вероломный возлюбленный, теперь Алиса... Да закончится все это наконец?! Если нет, Августа всерьез поверит, будто на нее наложили проклятие. Она истерично рассмеялась, размазывая кровь по лицу, а потом резко замолчала, покусывая губы, покосилась на Алису. Да нет, бред, с другой стороны... Алиса сама говорила: они похожи, легко спутать. Ей ведь уже ничего не надо, подруга не обидится. Да и Августа потом во всем признается, только с банком расплатится, сестру вылечит, о матери позаботится. И она начала торопливо раздевать покойницу, стремясь до того, как их найдут, поменяться с ней одеждой.

ГЛАВА 4

— Всесильные духи! Алиса, какой кошмар! Как ты?

Имя погибшей подруги ножом резануло по сердцу, но Август одернула себя. Хочешь очутиться в тюрьме, похоронить сестру и выкинуть мать на улицу, тогда мучайся угрызениями совести. Если же нет, старательно играй свою роль.

Августу пошатывало. Ее била крупная дрожь. Сложно сказать, от пережитого ли потрясения или от страха перед родственницей Алисы. Из головы вылетело ее имя. Как некстати! Придется разыграть небольшую потерю памяти. Такое вполне могло случиться — во время крушения Августа пару раз приложилась головой о сиденье и пол. Но ей повезло, она отделалась синяками, а вот Алисе... Прикрытую чьим-то плащом мертвую леди несли сзади. Ее отправят в погреб, тогда как Августа отправится отдыхать в мягкую постель.

«Прекрати! — мысленно шикнула на себя новоиспеченная самозванка. — Твоей вины в случившемся нет! Не ты настегивала коней». Однако дурнота не отступала, и Августа по привычке потянулась к внутреннему карману платья, где хранила платок. Алиса держала его там же — пальцы нащупали тончайшую ткань. Мимолетная кривая усмешка тронула губы Августы. Платок украшала монограмма в виде алой буквы А. Ну вот, сама судьба толкала ее на выбранный путь. Имена обеих девушек начинались с одной буквы. Кто докажет, что платок чужой?

Тем временем взволнованная родственница Алисы спустилась по ступеням во двор и порывисто обняла Августу. Та отпрянула — не успела подготовиться. Владелица же замка решила, будто нечаянно причинила ей боль.

— Ох, прости меня, душечка! Не трогаю, больше не трогаю! За врачом уже послали, с минуты на минуту будет.

Августа промолчала. Ей предстояло потренироваться, чтобы научиться копировать голос подруги, пока лучше отвечать односложно. Хоть в одном повезло — кучер погиб, не раскусит самозванку. Нехорошо радоваться чужой смерти, но иногда приходится. Странно, конечно, что Алиса отправилась в путь без горничной, ну да она всегда была с причудами.

О том, что в доме маркиза ее быстро разоблачат, Август старалась не думать. Нужно решать проблемы по мере их поступления.

Но требовалось что-то сказать, постоянное молчание тоже подозрительно.

— Все так... ужасно!

Августа не узнала собственного голоса. Тихий, надтреснутый, он напоминал шелест ветра.

— Да, да, милая! — сочувственно закивала родственница и вторично раскрыла объятия, чтобы утешить, успокоить.

Августа не стала отказываться, ей требовалась поддержка. Слезы градом полились из глаз, стоило ей уткнуться в шею незнакомой женщины. Она казалась такой домашней, ничуть не высокомерной, будто и не дворянка вовсе. А еще, судя по одежде, троюродная сестра Алисы нуждалась в деньгах. Такое случается: одна часть рода выбивается на самый верх, а другая прозябает в провинции.

Мысли путались. Слезы перемешались со снегом, потом и кровью.

Августа часто-часто дышала. Ноги окончательно перестали ее держать, и новоиспеченной родственнице пришлось позвать слуг, чтобы те перенесли несчастную в дом.

— Не беспокойся, душенька, мы позаботимся о твоей спутнице. Понимаю, — владелица замка на мгновение запнулась, — тебе сейчас тяжело, но нужно известить стражу, родных бедной девушки.

Это был поворотный момент. Отыграть все назад после невозможно.

— А...

Августа сглотнула, набралась мужества и солгала, назвав Алису своим именем. «Бедная матушка! — пронеслось у нее в голове. — Бедная сестренка! Как они переживут?» Дурнота удушливой волной подступила к горлу. Не чудовищную ли ошибку она только что совершила? Вдруг материнское сердце не переживет потери? «Я приеду и все объясню, — твердо пообещала себе Августа. — Или подойду после похорон».

Хозяйка продолжала сетовать на нелепую случайность, оборвавшую жизнь совсем юной девушки. Августа ее не слушала. Тупая боль железным обручем сжимала голову, настоящая, не выдуманная, поэтому она несказанно обрадовалась появлению заспанного мужчины с черным ридикулем в руке. Судя по всему, он дал ей снотворного, потому что Августа совершенно не помнила, как очутилась в широкой мягкой постели.

В окно струился мягкий дневной свет. Створку чуть приподняли, и свежий ветерок, пропахший пробудившейся весной, мягко касался щеки Августы. Она ощущала себя разбитой. Все тело ныло, вдобавок во рту пересохло. К счастью, сердобольные люди оставили на прикроватном столике не только букет пер-

воцветов, но и стакан воды. Августа залпом осушила его и с легким стоном спустила ноги с кровати.

Все как в тумане...

Воспоминания возвращались яркими вспышками: предательство Эдуарда, приезд подруги, темнота, полет и бесконечный ужас. Только сейчас Августа в полной мере осознала, что разминулась со смертью. Сядь она чуточку правее — и труп.

По коже пробежал холодок. Августа обняла себя руками и принялась раскачиваться из стороны в сторону. В таком состоянии ее и застала молоденькая горничная, посланная хозяйкой проведать больную. Темная головка мелькнула и тут же исчезла в дверном проеме. Послышался топот ног и громкие крики: «Очнулась, очнулась!» Августа вздрогнула и перестала раскачиваться. В голове щелкнуло: сейчас придет та женщина, хозяйка. Нужно взять себя в руки и притвориться Алисой, хотя больше всего на свете Августе сейчас хотелось лечь и снова заснуть. Может, если она вторично откроет глаза, все окажется страшным сном.

— Ох и напугала ты нас всех, душенька!

От голоса хозяйки мигом разболелась голова. Приложив ладонь ко лбу, Августа со стоном опустилась на подушки и прикрыла глаза. По черепу словно стучали десятки молоточков. Бум, бум, бум... Или это кровь? Августа толком ничего не понимала, лишь безумно хотела снова остаться одной. И спать. Спать так много, как она никогда не спала в жизни.

Послышался легкий шелест ткани. Перина чуть осела под весом хозяйки замка.

— Врач предупредил, что тебе нужен покой. Ты сильно ударила головой.

Головой? Августа растерянно провела ладонью по волосам и нащупала повязку. Ну да, кровь. Когда она пришла в себя там, в покореженном экипаже, что-то липкое стекало по коже.

«Это так хорошо, это так удачно! — пробилась сквозь усталость спасительная мысль. — Не придется ничего объяснять».

— До сих пор болит, — пожаловалась Августа, преступив к первой части игры. — И туман... Вот пытаюсь вспомнить твое имя, и никак.

Только бы не промахнуться с фамильярным «ты»! Но женщина казалась ее ровесницей, от силы лет двадцати шести—двадцати семи, обращалась к ней по-родственному. Вряд ли настоящая Алиса стала бы ей выкать.

— Еще бы! — вздохнула хозяйка и поправила сбившееся одеяло. — После такого-то потрясения! Ты вчера как в дурмане

была, чудом имя погибшей бедняжки вспомнила. Ты ведь о ней мне писала?

Августа едва не прокусила язык. Писала? Усилием воли она заставила себя успокоиться и попросила:

— А можно мне взглянуть на письмо? Вдруг я о чем-то важном забыла?

— Конечно, тебе потом принесут. А пока не напрягайся, ляг вот так, — мнимая родственница помогла ей удобно устроиться, — глазки прикрой. Меня Мартой зовут. Мартой сир Тома. Не припоминай! — заметив, как Августа наморщила лоб, остановила ее Марта. — Мы только заочно знакомы.

Заочно? Какое облегчение! Тогда наивная Марта ей во всем поможет. Сразу видно, она небольшого ума, зато добрая. И ни капельки не похожа на Алису. У той в роду все светлые или рыжие, а Марта чернявая. И титул не упомянула. Выходит, нет его. Ну вот, уже что-то, первая столь нужная информация.

Августа упросила-таки пересказать ей письмо. Мол, она что-то должна была сделать и никак не припомнит. Выяснилось, что Алису к дальней родственнице отправил отец. Решение он принял неожиданно и поспешно. Алиса покидала родной дом чуть ли не втайне от всех, поэтому и прибыла в Умайн без приличествующей свиты.

— Мне твой батюшка все честно написал, — по секрету призналась Марта. — Ты не обижайся на него, милая, но лучше пропустить бальный сезон, чем очутиться в могиле.

Августа наострила уши. Ни о чем таком Алиса не говорила. Покойная подруга сетовала на перспективу коротать в обществе скучной старой девы целый месяц, и только. Со слов Марты же выходило, будто Алиса задержалась бы тут до осени.

— А что такое? — с самым невинным видом поинтересовалась Августа. — Не припомню, чтобы мне угрожали. Или батюшке?

Она с показным ужасом прикрыла рот ладонью.

— Что ты! — замахала на нее руками Марта.

Она огляделась по сторонам и, нагнувшись, быстро прошептала:

— Черный Вдовец снова ищет жену.

— Неужели? — с деланным интересом подняла брови Августа.

Пусть она не следила за жизнью высшего света, но прекрасно понимала, о ком речь. Еще бы, ведь Ивар принадлежал к элите, к истинным темным, сложно такого не знать. В университете даже спорили, у кого кровь чище: у сир Лиров или Валленов.

Крамольные мысли! За неуважение к королевскому роду, сомнения в его легитимности могли отчислить, но студенты на то и студенты, что бесстрашно не признавали авторитетов. Только вот при чем здесь матримониальные планы Ивара? Не Алису же он сватал!

Марта тяжело вздохнула и, покусывая губы, неожиданно призналась:

— Если бы не нависшее над ним проклятие, я бы за него вышла. Он такие деньги невесте сулит! Тут не то что замок в порядок приведешь, еще пару деревень прикупишь и мельницу в придачу. Надоело мне быть приживалкой, Алиса, пресмыкаться, обивать пороги богатых родственников. Для твоего отца я тоже не ровня. Он ведь денег прислал на твое содержание, велел отчитаться за каждый грош.

Августа с трудом подавила горький смешок. Если бы только Марта знала, сколько у них общего! Но она видела в ней богатую наследницу, а не скромную учительницу.

— И что же, граф собрался купить себе жену? — недоверчиво хмыкнула Августа.

Марта кивнула и радостно поделилась последними сплетнями. Бедняжка месяцами общалась только со слугами и радовалась возможности обсудить не виды на урожай или меню на ужин. Подвинувшись вплотную, она защебетала:

— Об этом везде судачат, даже до наших краев дошло. Представляешь, какой скандал — не свататься к конкретной девушке, даже не устроить конкурс невест, а открыто объявить, что женится на любой! Мол, даже вдовая подойдет, совсем без приданого, лишь бы дворянских кровей. Взамен он ей кучу гульденов выплатит, а если бедняжка умрет, родных обеспечит. Со всем ему все равно, кто невеста, сколько ей лет, дурна она или хороша собой, даже с детьми возьмет.

Августа нахмурилась. Действительно, в аристократической среде так не принято.

— Ты еще скажи, он объявление в газету подал! — в шутку предположила она.

— Подал, — кивнула Марта. — И велел обращаться к своему секретарю.

От изумления у Августы приоткрылся рот. Она-то полагала, что Ивар просто пустил слух... Но тогда вдвойне непонятно, почему вдруг отец испугался за Алису. Или подруга была втайне влюблена в Ивара сир Лира?

— Вот такие дела! — цокнула языком Марта и, спохватившись, поднялась. — Совсем утомила я тебя, заболтала! Ничего, сейчас принесут завтрак, а после ты еще немного поспишь.

Уже в дверях она, сама того не сознавая, нанесла сокрушительный удар:

— Я отписалась твоему батюшке. Фамильяра у меня, милая, нет, обычной почтой отправила. Но, думаю, он через пару дней уже будет здесь, займется похоронами. Не тебе же, право слово, с родителями бедняжки объясняться! Я навела справки, она в Умайне работала, недалеко отсюда.

Августа через силу заставила себя улыбнуться и поблагодарила хозяйку.

Всего пара дней! Окажись у Марты фамильяр, маркиз приехал бы сегодня.

Ничего, Августа справится. Попросит горничную завить волосы, чтобы они походили на легкие локоны Алисы, а повязка, синяки и мертвенная бледность скроют другие несоответствия. Какое счастье, что за время учебы Алиса столько рассказывала о своей семье! И еще большее, что маркиз Тове никогда не встречал Августа. Тогда бы он быстро сложил два и два. Но и теперь лучше остеречься, держаться подальше от него, а потом... Августа в отчаянии взъерошила волосы. Блестящий план трещал по швам. О чем она только думала, на что надеялась?!

— Хватит! — шикнула на себя Августа. — Распустила нюни! Ты не тряпка, что бы там ни думал Эд. Придурок наверняка надеялся, будто я кинусь его искать, спасибо, ума хватило не унижаться. Вот и тут хватит. Ты училась лучше Алисы, все подмечала. Чего испугалась-то? Да и врач подтвердит, с головкой у тебя нелады. Маркиз взглянет и забудет. Он и маленькой Алисой не интересовался, взрослая тем более ему неинтересна. Так, товар на брачном рынке. Если просватает, я возражать не стану, пойду. Только, — досадливо поморщилась она, — насчет девственности возникнут вопросы.

А ведь сохрани она девичество, все сложилось бы наилучшим образом. Под видом Алисы сир Хайн Августу выдали бы замуж. Не за торговца или клерка — за какого-нибудь барона или графа. Августа смогла бы помогать родным, предлог переводить им деньги она бы нашла. После рождения детей мужу и вовсе стало бы не до родословной супруги. Главное — наследник.

— Проклятый Эд! — сжала кулаки Августа. — Жизнь мою погубил! Хотя я тоже хороша, сама юбки задрала. Любовь, как же! Нравится любовь-то? Получи и распишись.